

Миллер Всеволод Федорович

**Очерки арийской мифологии в
связи с древнейшей культурой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Федорович М.**
Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой / Миллер Всеволод Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 370 с.

ISBN 978-5-519-96464-7

ISBN 978-5-519-96464-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рота, Макс Мюллера, Куна, Зонне, Гольдштоккера, Вебера и де-Губернатиса — о космическом значении Асвиновъ. Неудовлетворительность ихъ объясненій. Основное значеніе Асвиновъ уже забыто въ ведійскомъ періодѣ. Въ основѣ мнѣнія о близнецахъ въ арійскихъ мифологіяхъ лежитъ представленіе солнца и мѣсяца близнецами братьями. Черты мнѣнія, подтверждающія эту гипотезу. Попытки некать Асвиновъ на звѣздномъ небѣ. Несоостоятельность мифовъ, что Асвины были некогда звѣздными богами. Вавилонская эпопея о Цадубаръ. Связь халдейскихъ названій мѣсяцевъ съ зодіакальными знаками. Зодіакальный знакъ близнецовъ. Отношеніе индо-европейскихъ близнецовъ Асвиновъ-Диоскуровъ къ халдейскимъ. Заключение 326—351

Указатель. 353—355

Опечатки 356

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ заглавіемъ «Очерки аріейской мифологіи въ связи съ древнѣйшей культурой» авторъ предпринялъ рядъ работъ, рядъ монографій, по отдѣльнымъ вопросамъ изъ области мифологіи индо-европейскаго племени. Занимаясь специально древнѣйшимъ памятникомъ аріейской мысли, Ведами, авторъ отводитъ послѣднимъ главное мѣсто въ своей работѣ и даже думалъ сначала ограничиться изслѣдованіемъ вѣрованій индусовъ ведійскаго періода. Но мало по малу, по мѣрѣ болѣе обстоятельнаго изученія текстовъ Ригъ-Веды, въ немъ сложилось убѣжденіе, что для уясненія массы темныхъ ведійскихъ мифовъ необходимо прибѣгнуть къ методу сравнительному и искать аналогій въ народныхъ вѣрованіяхъ всего индо-европейскаго племени. Приходилось вступить въ область сравнительной мифологіи, обратиться къ трудамъ Макса Мюллера, Куна, Шварца, Маннгардта, де-Губернатиса, Кокса, Гана и прочихъ представителей этой молодой науки. Должно сознаться, что общее впечатлѣніе было далеко неудовлетворительно: занимаясь сравнительнымъ языкованіемъ, авторъ привыкъ искать въ книгѣ полноту матерьяла, строгость метода, убѣдительность выводовъ, точность анализа. Что-же представили ему труды сравнительныхъ мифологовъ? Въмѣсто полноты матерьяла, необходимаго для освѣщенія отдѣльнаго мифа, находилъ онъ нѣсколько ничего не выясняющихъ аналогій, взятыхъ безъ всякой критики съ разныхъ сторонъ, отъ различныхъ народовъ, отъ разныхъ временъ; рядомъ съ ведійскимъ мифомъ стояла русская сказка, преданіе американскихъ Красноко-

жихъ, сказаніе Эдды или руна Калевалы. На основаніи *сравнительнаго* метода все это лѣнилось вмѣстѣ, безъ провѣрки, съ полнымъ убѣжденіемъ, что все это пригодно для уясненія первоначальнаго вида и значенія мифа.

Матерьяла было слишкомъ много и все же не доставало научной полноты. Увлеченные двумя тремя аналогическими чертами, изслѣдователи забывали, что сравнительный методъ можетъ привести къ важнымъ результатамъ лишь подъ условіемъ строгой исторической критики сравниваемого матерьяла — истину, въ которой давно убѣждены языковѣды. Прежде чѣмъ искать объясненія *слову* въ родственныхъ языкахъ, слѣдуетъ приготовить его къ сравненію, прослѣдить исторію его въ родномъ языкѣ и по возможности вывести его древнѣйшій звуковой видъ — сравнительному методу должно предшествовать историческій. Тоже самое должно быть примѣняемо и къ мифу, иначе сравненіе будетъ безплоднымъ сопоставленіемъ...

Ожидая выводовъ, вытекавшихъ изъ самаго сравниваемого матерьяла, авторъ нашелъ *готовыя* теоріи, составленныя уже заранѣе. Всѣ сравненія имѣли единственною цѣлью подтвердить либо *соллярную*, либо *метеорологическую* теорію и, зная заранѣе взглядъ изслѣдователи, читатель могъ быть вполне увѣренъ, что всѣ детали, какія только представляютъ разбираемые мифы, будутъ въ концѣ концовъ приведены къ одному знаменателю и войдутъ въ поэтическую картину грозы или восхода солнца. Если нѣсколько объясненій, представленныхъ болѣе талантливыми представителями мифологической науки, и казались обаятельны по ясности и простотѣ, то этими немногими жемчужинами далеко не искупалась масса безплодныхъ сопоставленій и натянутыхъ объясненій, желавшихъ по что бы то ни стало провести теорію, исповѣдуемую тѣмъ или другимъ ученымъ. Сравнительная мифологія рисковала потерять такъ же быстро всякій кредитъ въ глазахъ трезвой науки, какъ она же удивила ее своими первыми, блестящими, опытами. Уже

начинает слагаться убѣжденіе, что послѣдователи новой науки слишкомъ рано убѣдились въ своемъ всезнаніи, что они витаютъ въ туманной области гипотезъ и фантазій, дышатъ нездоровой атмосферой гаданій и предположеній, дѣйствующей опьяняющимъ образомъ на трезваго человѣка. Результаты, достигнутые ими доселѣ, зпждутся главнымъ образомъ на правдоподобіи, а одно правдоподобіе, по выраженію Тэйлора «считается теперь такимъ непригоднымъ достоинствомъ, что каждый изслѣдователь искренно желаетъ, чтобъ такихъ достоинствъ было какъ можно менѣе».

Если автору и пришлось разочароваться въ *блестящихъ* результатахъ сравнительной міеологіи, все же онъ не дошелъ до отрицанія этой науки вообще, проповѣдуемаго еще доселѣ нѣкоторыми представителями классической міеологіи. Онъ убѣдился только, что модал наука находится въ періодѣ развитія, хорошо извѣстномъ въ исторіи другихъ наукъ. Первые успѣхи, первыя увлеченія смѣнились періодомъ затишья, наступающимъ неизбѣжно, когда начинается слагаться убѣжденіе, что извѣстная теорія не въ состояніи объяснить новыхъ фактовъ. Тамъ и сямъ слышатся голоса, подвергающіе критикѣ прежнія построенія; ученики, вѣчно готовые *jugare in verba magistri*, съ какимъ то ожесточеніемъ отстаиваютъ зданіе, готовое обрушиться и подкрѣпляютъ его новыми подпорами, между тѣмъ какъ сами мастера, возводившіе это зданіе, налагаютъ на себя *doctum silentium*. Таково дѣйствительно современное состояніе сравнительной міеологіи. Талантливый основатель *солярной* теоріи, Максъ Мюллеръ, ограничился мастерскимъ проведеніемъ ея въ нѣкоторыхъ индусскихъ и греческихъ міеахъ: увѣровавъ въ готовую теорію, ученикъ его Коксъ проводить ее съ необыкновеннымъ упорствомъ во всей массѣ индо-европейскихъ міеовъ и доводитъ ученіе учителя до абсурда. Остроумныя статьи проповѣдника *метсорологической* теоріи, профессора Куна, вызвали рядъ поверхностныхъ работъ, гдѣ упомянутая теорія доведена до крайности.

IV

Преждевременно построенная теорія, какъ всегда бываеъ, затормозила на время движеніе науки. Къ чему было обстоятельно и подробно изучать мнѣ, слѣдить его исторію, когда объясненіе извѣстно заранее? Достаточно было познакомиться съ методомъ учителя, подмѣтить приемы, посредствомъ которыхъ изъ мнѣ выжимають *соларный* или *метеорологическій* смыслъ, чтобъ работать далѣе на благодарномъ полѣ, гдѣ все дается безъ труда, гдѣ, при небольшомъ напряженіи воображенія, достигаются капитальные результаты.

Современное состояніе сравнит. миѳологіи живо напоминаетъ тѣ первые шаги сравнительнаго языкознанія, когда открыто было родство древняго языка Индіи съ языками европейскими и когда для подтвержденія этого неожиданнаго открытія въ глазахъ скептиковъ лингвисты съ увлеченіемъ устремились на поле сравненія, сопоставляя санскритскія и европейскія слова массами, на основаніи лишь нѣкотораго сходства, не отдавая себѣ точнаго отчета въ фонетическихъ законахъ. Многое ли изъ этой массы сближеній осталось съ тѣхъ поръ достояніемъ науки? Наука строго отнеслась къ этому матеріалу, выяснила законы, управляющіе переходомъ звуковъ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, и, прилагая ихъ къ сопоставленнымъ словамъ и формамъ, допустила къ сравненію лишь то, что ихъ не нарушало. Требуя отъ сопоставленія не *вѣроятности*, а *достоверности*, она налагала на изслѣдователя обязанность доказать, что извѣстное слово, сравниваемое съ другими родственными ему въ индо-еврон. языкахъ, не могло принять иного фонетическаго вида, какъ именно тотъ, который оно представляетъ, что этотъ видъ обусловленъ фонетическими законами, управляющими языкомъ и дѣйствующими съ неотразимостью необходимости. Какъ молодая сравнительная миѳологія, едва ступая цѣлѣвыми шагами, уже задается вопросами о происхожденіи миѳовъ, такъ и юная лингвистика не избѣгла общей участи самоувѣренной юности и построила много теорій о происхожденіи языка.

Но эти теоріи, постоянно смѣнявшія одна другую, по мѣрѣ болѣе многосторонняго изученія явленій языка, нисколько не остановили прогрессивнаго движенія науки. Не увлекаясь той или другой гипотезой, наука осторожно двигалась впередъ, открывая новые законы, новыя точки зрѣнія и указывая новые факты, затрудняющіе болѣе и болѣе всякія умозрительныя построенія. Пѣтъ основанія думать, что эти теоріи лингвистовъ и мифологовъ оставались безплодны въ исторіи науки: смѣлыя построенія вызывали вопросы о своей прочности, возбуждали критическія работы, придавали временное оживленіе спокойному ходу науки. Кромѣ этой отрицательной пользы была и положительная: гипотезы открывали новыя точки зрѣнія, ибо рѣдкая изъ нихъ не содержала извѣстной доли истины, хотя изъ этой доли исходили слишкомъ обширныя обобщенія.

Но если общія теоріи, проводимыя въ массѣ матеріала, и не произвели на автора удовлетворительнаго впечатлѣнія, если *объясненіи* мифовъ казались ему односторонними и преждевременными, все же въ *изученіи* послѣднихъ были достигнуты важныя успѣхи, все же наука представляла массу частныхъ открытій и собрала богатый матеріалъ для будущахъ построекъ. Этотъ матеріалъ нельзя было игнорировать, какиихъ бы взглядовъ пи держался авторъ на значеніе мифовъ. Воспользовавшись имъ для своихъ работъ, онъ долженъ былъ выяснитъ себѣ извѣстныя правила, сообразно съ цѣлью, къ которой стремился. Эта цѣль была прежде всего изслѣдовать представленія индусовъ ведійскаго періода, изучить ведійскія божества на основаніи гимновъ Ригъ-Веды и циклы мифовъ, облекающихъ эти типы. Для достиженія этой цѣли, онъ старался сначала собрать для каждаго типа полный матеріалъ въ самихъ текстахъ, затѣмъ путемъ сравненія выяснитъ первоначальный видъ мифовъ, сохранившихся въ Ведахъ часто въ видѣ краткихъ и темныхъ отрывковъ. Убѣжденный, что типы космическихъ божествъ были одни и тѣ же у всехъ народовъ индоевропейской семьи, онъ не довольствовался общимъ поверхностнымъ

VI

приравненіемъ одного типа къ другому, но старался, чтобы сравненіе было по возможности полное, простиравшееся не только на общее, но и на частности. Только путемъ такого сравненія индоевропейскихъ словъ и формъ выяснила сравнительная грамматика фонетическіе законы отдѣльныхъ языковъ и этимъ же путемъ надѣлся авторъ понять индивидуальное развитіе общихъ типовъ у разныхъ народовъ одной семьи. Сравненіе должно было показать не только сходство, но и различіе, ибо и то и другое равно необходимо для полного изученія.

Что касается сравниваемого матеріала, то автору казалось болѣе цѣлесообразнымъ ограниченіе, нежели распространеніе. Подобный поворотъ замѣчается и въ лингвистикѣ нашего времени: и она кромѣ общаго родства признала между языками спеціальное родство, сближающее ихъ между собою по группамъ и достигла важныхъ результатовъ, изслѣдуя признаки, не раздѣляемые известной группой съ другою. Сложилось даже убѣжденіе, что черты спеціальнаго родства двухъ языковъ между собою стоятъ въ связи съ географическою близостью народовъ одной и той же семьи: такъ славянскіи нарѣчія, находясь на межѣ между востокомъ и западомъ, представляютъ черты спеціальнаго сходства съ одной стороны съ литовскими нарѣчіями, съ другой съ эранскими, и въ подобіи же отношеніи къ италійскимъ нарѣчіямъ съ одной и къ арійскимъ съ другой стоятъ нарѣчія Эллады. Мы не въ состояніи провести подобную мысль во всей строгости въ области религіозныхъ представлений, но и независимо отъ нея, по другимъ мотивамъ, сочли нужнымъ ограничить свои сопоставленія. Для освѣщенія ведійскихъ божествъ мы обратились главнымъ образомъ къ богато-развитой греческой мифологіи, высокая разработка которой представляла особенныя выгоды для сравненія, затѣмъ привлекали къ сопоставленію вѣрованія эранцевъ, представляющія черты спеціальнаго родства съ индусскими, и наконецъ, по очень понятному мотиву, миф. представленія славянъ. На первомъ планѣ у насъ было подробное

сопоставленіе міоовъ и выведеніе ихъ первоначальнаго, древнѣйшаго вида; если иногда мы и не могли воздержаться отъ попытки къ ихъ истолкованію, то не придаемъ этимъ опытамъ большого значенія. Хотя мы и старались держаться вдали отъ предвзятыхъ теорій и объяснять міоъ изъ пего самого, однако всякій знаетъ, какъ легко увлечься плодами собственнаго воображенія, навязать ихъ творцамъ разбираемыхъ міоовъ и какъ трудно перенестись на точку зрѣнія народовъ, отдаленныхъ отъ насъ многими вѣками. Одно лишь полное всестороннее изученіе культуры извѣстнаго періода могло бы предохранить изслѣдователи отъ субъективныхъ толкованій; но много ли у насъ источниковъ для пріобрѣтенія яснаго пониманія древнѣйшихъ культуръ? Тѣмъ не менѣе, только этимъ путемъ *вѣроятность* можетъ достигнуть степени *досто-вѣрности* и потому мы сочли необходимымъ начать изученіе ведійской міеологіи очеркомъ культуры ведійскаго періода, на сколько можно найти матерьяла для ея возстановленія въ гимнахъ. Какъ бы бѣденъ ни былъ нашъ очеркъ, его польза выяснится для читателя уже въ этомъ первомъ томѣ и мы сочли его необходимымъ введеніемъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ работамъ.

Первый томъ посвященъ выясненію одного изъ древнѣйшихъ типовъ индо-европейскихъ божествъ, типа близнецовъ, извѣстнаго у индусовъ подъ именемъ Асвинцовъ, у грековъ подъ именемъ Діоскуровъ. Первые главы содержатъ характеристику этихъ божествъ у индусовъ и грековъ и разборъ міоовъ, входящихъ въ этотъ циклъ; затѣмъ изслѣдуются слѣды, указывающіе на существованіе того же типа и тѣхъ же преданій у нѣкоторыхъ другихъ народовъ индо-европ. семьи и наконецъ въ послѣдней главѣ дѣлается попытка къ объясненію происхожденія этихъ міо. представленій, общихъ у арійцевъ съ халдеями. По свойству самого предмета и недостатку матерьяла, многіе вопросы, представляющіе значительный интересъ, могли быть только поставлены, а не рѣшены авторомъ, нѣкоторыя мысли высказаны въ видѣ предполо-

VIII

жепія и не обставлены убѣдительными доказательствами, другія могутъ оказаться невѣрными вполнѣдствіи; но такова судьба всякого изслѣдованія, основаннаго на источникахъ и на матеріалѣ, почерпнутомъ изъ первыхъ рукъ. Если многое окажется невѣрнымъ въ глазахъ компетентной критики, если многое будетъ исправляемо и дополняемо вполнѣдствіи и самимъ авторомъ, по мѣрѣ изученія новыхъ данныхъ, все же ему служить утѣшеніемъ сознаніе, что онъ идетъ путемъ самостоятельнымъ и что его могутъ винить лишь за его собственные ошибки, а не за нескритическое повтореніе чужихъ авторитетныхъ мыслей.

Для санскритскихъ и зендскихъ словъ принята общепотребительная латинская транскрипція. Для читателя не знакомаго съ нею замѣтимъ, что буквы съ точкой внизу (ḍ, ṭ, ṇ, ṇṇ, ṛ, ṣ, ṣṣ) слѣдуетъ произносить какъ простыл, ṣ, какъ русское ч, ḡ—какъ дж, ṣṣ—какъ ш, ṣ—какъ с.
